

Всем, кто был, находится
или окажется в укрытии,
посвящается

Дым и пепел встают, как кресты,
Гнезд по крышам не вьют аисты.
В. Высоцкий

Друзья
Ничего не бойтесь
Кроме дворов
Скучающих
По детским голосам

Д. Балин

предупреждение автора

Все события и персонажи рассказов вымышлены. Всякое сходство с людьми и фактами реальной действительности является случайным. Почти всем используемым словам и словосочетаниям придано значение, отличающееся от общеупотребимого.

григорий

В казацкой хате душно, но вот Григорий открыл окно, и стало полегче. Делать ему сегодня больше нечего. Он садится за стол, медленно выпивает из пузатой рюмки ароматный самогон, закусывает бурой колбасой, закуливает и выдыхает — поползла украдкой из хаты сизая змейка дыма. От работы, проделанной за день, у Григория болит затылок. Он мнет его рукой, зевает. Душно, сонно душе, шея липкая без мытья. Изводит жара. Скорей бы осень. Бои затихли. Третью неделю из штаба тишина.

Мысли Григория шли вразброд, но ни боязно, ни то-скливо от этого не становилось.

Едва Григорий тронул вторую рюмку, как слышался стук в дверь одним пальцем.

Кто это? Гости не ожидались.

Приоткрыв дверь, он увидел Ксению.

— Предупредила б хоть, — сказал он, поглядывая госте за спину.

Она тоже резко обернулась и всмотрелась в темноту.

— Сюрпризом хотела. Пустишь?

— Как не пустить... Ух, какая у тебя шлычка, — заметил Григорий, трогая гостью за пуговичку на высокой груди. Женщина была одета во все белое, только платочек на шее тоскливого бирюзового цвета.

До Григория в этой хате жил другой казак — старый, хворый коротышка из-под Ростова. По болезни (не опасное, но беспокойное ранение в бедро) жилище он запустил: по стенам полезла плесень, дверные ручки болтались, на полу стояли какие-то кастрюли с мутной вонючей водой, а под столом сохли картофельные очистки и луковая шелуха. Худая, с закисшим глазом кошка постоянно требовала еды, а когда была с бременем, то лежала на мокрой шинельке и шипела.

Теперь же Ксения отметила улучшение. Все у Григория приобрело свое место и на месте этом находилось. Это и следует называть порядком. Полы вымыты, стены просушены. Слегка пахло мужицким потом, но скоро все выполоскал сквозняк, текущий из одного окна в другое.

— Выпьешь со мной? — спросил Григорий, приподняв бутылку, как мертвого гуся за длинное горло.

— Немножко совсем, — согласилась Ксения и, не дождавшись расспросов, сама принялась рассказывать, что соврала мужу, будто ушла к подруге на картах гадать.

Григорий усмехнулся: гадать.

— Ну, — сказал он, когда они выпили, — чем теперь займемся?

— Как ты суров стал. Когда познакомились, пугливым был, уступчивым. «Ксюша, Ксюша! Что, куда, чего и как?» А теперь — нате вам, пожалуйста — как сапог на морозе.

Григорий откинулся на стуле, усмехнулся и тихонько промышчал какую-то незнакомую Ксении мелодию. Видимо, приняв это за безразличие, Ксения тут же прильнула к Григорию и стала целовать его щеки, потом шею, а потом живот. Шептала что-то, посмеивалась задорно, как будто пыталась успокоить плачущее дитя. Григорий не мешал, поглядывая на ее красные от загара руки. Светловолосые девушки не загорают, а багровеют, как вареные раки.

— Обожди. — Григорий оправил рубаху и поднялся со стула. — Дверь запру, — объяснил он и, мягко ступая, пошел в темноту комнаты.

Ксения пересела на кровать и замерла. Тесно в голове от мыслей, сердцу в груди от воздуха. Григорий долго не шел, кажется, пил воду в темноте. Ксения заерзала, встала, села, а потом легла. Когда Григорий вернулся, приподнялась и улыбнулась; сделала понятный жест: наклоном головы предложила всю себя сразу. Григорий этого не видел — что-то искал в кармане; ругался шепотом.

Потом, когда ей хотелось долго, громко и подробно говорить, а ему молча курить не шевелясь, они лежали в обнимку. Послышался шум дождя. Прохладой молодой ночи наполнилось жилище. Только теперь Григорий заметил: не запер окно. Их могли слышать, но ничего. Страшно не было.

Ксения растерла капельки пота по своей груди и осмотрелась привыкшими к темноте глазами. Григорий перенес ее голову на пирамидку подушки, потянулся к столу, нашарил сигареты, щелкнул зажигалкой и закурил. Поплыл к окну дым гуще темноты.

— Когда деньги будут? — спросил Григорий.

— Не знаю.

— Кто в бухгалтерии работает? Я или ты?

— Нам там, Гриша, — не сразу ответила Ксения, — не отчитываются. Бабки на счет падают, а мы их распределяем в соответствии с зарплатными проектами. В прошлом к двадцатому кинули. В этом вот еще ждем. А может, вообще прекратят финансирование вашего батальона. Вас — мужиков — зашлют подальше на фронт, а нас по месту постоянной регистрации.

Григорий понял, что Ксения пытается его испугать, показывая перспективу возможной разлуки. Ясно было и то, что сейчас следует огорчиться, сказать что-то вроде «не дай бог разлука», но как-то язык не поворачивался. Ксения уймется и станет ласковой — подождать нужно. Григорий точно онемел, подавленный расслабленностью и бессмыслием.

И тут в дверь постучали кулаком.

Любовники замерли.

Стук повторился.

Григорий вскинулся, поискал пепельницу, не нашел; сигарету пришлось затушить плевком и оставить на столе. Наконец он надел трусы и выругался тихонько.

— Мой пришел, — сказала Ксения, но, несмотря на опасения Григория, не начала причитать, а, наоборот, улеглась на спину и замерла. — Капец нам, если он с ментами, — добавила она.

— Кто? — крикнул Григорий.

— Собирайся, Гриша, — послышался голос капитана — мужа Ксении. — Выступаем на запад через час. До Чугуева на машине, а потом пехом.

Григорий подошел к двери и ответил наконец:

— Иди. Дай час.

— Гри-иша, — жалобно протянула Ксения, — мы уже не увидимся.

— Увидимся. Я тебе позвоню.

— Нет. Тебя убьют. Мне девочка, которая нумерологией занимается, нагадала. Родился ты в нехороший день.

Григорий родился четвертого ноября девяносто третьего.

— Херня это все!

— Ох, Гриша.

Ксения вылезла в окно, перебежала слабо освещенную дорогу, осмотрелась у бетонного сооружения с надписью «Укрытие» и ушла в темноту проулка, а Григорий стал готовиться к выступлению.

Февраль 2024 года

гражданская

рассказ-антиутопия

1

было это в начале 20** года.

В самом конце Последней войны за леском установили зенитки. Они слали снаряды за границу беспорядочно: то в полночь, то посреди дня. В ответ прилетало регулярно, но тоже когда попало — не подстроишься.

Когда началась гражданская, или, как ее требовало называть правительство, «зачистка», зенитки, казалось, вовсе затихли. В Новоколоденске поговаривали, что их перебросили куда-то вглубь области — ближе к городу. Теперь, когда правительство уверяло население, что мятежники разбиты и редко-редко, почти никогда, в отдельных регионах случаются провокации проплаченных иностранцами-засранцами экстремистов, ракеты из-за дубовой Новоколоденской рощи неслись во все четыре стороны строго по расписанию: в семь утра — на запад,

в полдень — на восток, между четырьмя и пятью часами вечера — на юг и в первом часу ночи — на север. Сначала звук: будто рельсом шарахнули по медной бочке, объемом тонн в пятнадцать. Потом огонек — белый в свете дня или желтый в черноте ночи. Он тянется за пикой белой ракеты, а потом расплывается, как сновидение в памяти к вечеру.

Ответные обстрелы стали редкостью, отчего в поселке уже особо и не вспоминали, как разлетались на камешки школа или поросшие мхом стены сахарного завода, обанкротившегося в первые годы капитализма. Многие удивлялись, что завод до сих пор не разобрали на кирпичи с отметками «К. Ю.», что следует расшифровывать: «Князь Юсупов».

Иван Николаевич Коробов привык за эти два года просыпаться ровно за пять минут до пуска ракет. Его сердце уже само пеленговало команды о пуске. Если случался у артиллерии выходной, то он все равно вскидывался и недоуменно смотрел в окно, сквозь пыльные жалюзи. Потом еще лежал с полчаса, как человек, отходящий от тяжкого сна. Он давно уже жил без ясной цели, поэтому начало всякого дня не сулило ровным счетом ничего, кроме необходимости преодолеть еще один миг между рассветом и закатом. Данную ежедневную повинность он ощущал как бесполезную, но обязательную работу, которую непременно нужно закончить к вечеру. Именно поэтому, проснувшись, он сначала собирался с силами, как бы примиряясь с началом очередной попытки втолкнуть камень на гору.

Как раз было такое утро. Он проснулся, выждал и прислушался — тихо. Помассировав веки своих больших глаз, он сел на кровати, закурил, затянулся пару раз и пошел